ТЫРЫНА, Исько

НАСЬКЫ УКРАИН
СЬКЫ КАЗКЫ

УКРАИНСЬКЫ КАЗКЫ.

Якъ у насъ, якъ у насъ — пѣсьни да
казкы:
Послухайте, добры люды, зъ вашои
ласкы. . .

Въ Университетской Типографіи.

НАСЬКЫ
УКРАИНСЬКЫ
КАЗКЫ,

ЗАПОРОЗЬЦЯ ИСЬКА
МАТЫРЫНКЫ.

МОСКВА.
РОКУ 1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Октября 19 го дня, 1834 года.

Ценсоръ А. Болдыревъ.

МАТЕРИ МОІЙ РИДНЕНЬКІЙ,
НЕНЬЦѢ СТАРЕНЬКІЙ,
КОХАНІЙ, ЛЮБІЙ

УКРАИНѢ.

— „Дывысь! Дывысь! Осёсь й наши зъ музыкамы! . . . . Се що-сь да не просте: або-жъ весильля, або-жъ яка нѣмецька чудасія! Запорожецъ зъ Казкамы! . . . Чы не зъ неба оце, пане куме, винъ до насъ звалывся? Трохы, бацьця, на те похоже! Ипь ты й самъ, поздаровъ Боже, знаешъ, що у насъ на Украинѣ давно-давно перевелыся ци батьковы хлопци: теперь нигде й духу ихъ не пахне . . . И отъ-же, глянь, дывысь, хочъ въ

обое, що тута въ письмѣ стоить: „Наськы казкы, Запорозыця Иська Матырынкы.“ А що? Убый, якъ кажуть-то, да й выграй! Умры да й оженыся!... А говорять люды, — я самъ, своимы ушыма, не разъ чувъ —: „Чы чортъ выдавъ, щобъ вѣдьмидь щебетавъ?“ „Одже щебече!“...... „Да ще якъ щебече?... Все понаськы, понаськы! Слухай, лышень, мій голубе сызый!... Ну, та ты въ школѣ вчывся; беры да чытай на здоровячко! Свое, не чужее! Не бійсь, не кыслыця, а, на впрямъ, куды твоя годыцьця зъ сыромъ й паляныця!... Разъ по пять вертаюсь назадъ, чытаю не начытаюсь, гляжу не нагляжусь — таке ласе!... Дяковать, багацько дуже дяковать, небожу Запорозыцю,

що хочъ винъ за насъ оступывся зъ домовыны видхватывся, на сей свѣтъ ввалывся, та й ну балакаты зъ жывымы якъ зъ мертвымы: мовъ бы, кажы, николы не вмиравъ!.... Мовъ мижъ своимы братамы сыдыть въ куцьцѣ де-нибудь въ степу, росказуе, покы каша варыцьця, свою чередьню Казку, або походеньку, або яку небелыцю, а тѣ — ни гугу! Заслухалысь щебетаньня писля свого Козацького летаньня. Ничого сказать: имъ и ѣлося поштимъ лучьче! А тамъ — впять за те-жъ: частесенько не зтямняцьця було, якъ й свѣтъ къ имъ зьзикрадецьця .... А мы-жъ, мы? Що робымо мы теперъ, дома й на господѣ? Що мовять про насъ наши внучята? „Дѣды наши, — скажуть

воны,—сыдѣлы собѣ, да тилькы гавы ловылы!...“ „Оттакъ! За всѣ головы!... Хыбажъ, оце, наша неня Украина такъ зъ глузду зсунулась, що вже ни метелыци не потаньцюе, ни козачька зъ парубкомъ не прогарцюе? Ой ни, пане куме, вона хоча й старенька, да все такы ще геть-то моторненька . . . А дѣты іи? Хыба й воны зледащилы? Хыба воны забулы, якъ колы-сь весело бурлаковалы, хвацько козаковалы, въ Крыму й на Дону чумаковалы? Хыба мы й доси ще не згадуемо свого Батька Богдана,

Якъ Польщу винъ, колы-сь, трощывъ,
Де ни піймавъ Ляхивъ, — душывъ?

Якъ наши козаченькы всюды залицялысь: въ Волощынѣ, Турещынѣ, Нѣмещынѣ, Крыму, на Сы-

нимъ морѣ и по тимъ боцѣ моря, якъ тіи свѣтлыи соколоньки просвѣщалысь? — Або й теперъ, хыба вжебъ то мы перевчылыся воѣваты? Дарма, що въ тій пѣсьнѣ спѣваютъ:

Давже шабли заржавѣлы,
Мушкеты — безъ куркивъ . . .

Слухай, що далѣ?

„А ще серце козацькее
Не боицьця Туркивъ! . . .“

Бачъ? Не боицьця Туркивъ! Да не тилькы Туркивъ, й самого найстаршого чорта, Пане-брате! . . Або, хыба такы мы не хороше жывемо? А де, лышень, знайдешъ, ты такіи розмаитьни пѣсьни, що тилькы зачуешъ, такъ серце то-

бѣ ходоромъ й заходыть, затлѣе, замлѣе, серденька просыть. . . Такую хлѣбъ-силь, такыхъ дѣвонёкъ й парубятъ? Де, на свѣтѣ, такъ балакають? Нибы въ ротъ тобѣ кожне слово кладуть. Де стилькы казокъ, прыказокъ, загадокъ и всякои всячыны? . . . Я вже мовчу про нашу землю, про наши поля, сады, лугы, степы, рѣчкы, про наше збѣжьжя . . . . Що й доси нихто не схаменецьця, не гляне да не подывыцьця на сее? Мій Боже, Боже! Чымъ же мы прошкодылысь? Хыба-жъ-то вже у насъ душа зъ лопуцька, не хоче того, чого й людська?. . . Ни! ни! Въ гостяхъ добре, якъ-то кажуть, а дома-ще лучьче. . . . . . .

Чы, може, хочеше дождацьця, щобъ якый врагъ нетруженый нашою батькивщыною пожывывся? Насъ же да нашымъ же добромъ почастовавъ? Улизъ у солому да ще й шелысшышь? А, здаецьця, незабаромъ шее буде. Бо, що-сь, не передъ добромъ, якъ я бачу, сякы-шакы, немазаны хверпіыкы шляюцьця часшесенько уже промижъ намы. Глядишь, лышень, щобъ воны зъ нашого жъ хворосшу да не загнулы намъ якои чуденнои карлючкы! Ошъ-шо-шо буде сорому-сорому, за всѣ головы сорому!..« (*)

(*) *Прим. Корректора.* Сими словами Панъ Голова намѣкаешъ на нерадѣніе своихъ соошечесшвенниковъ къ собранію

Отпакъ, нестеметно, балакавъ у себе у господѣ, зъ Выборнымъ, своимъ кумомъ, Варвынськый голова, Лесько Тарануха, которому я для прочтеньня давъ оцьци, якы ни е воны, Казкы,—компонованьня товарыша и кума мого, Запорозьця Иська Матырынкы. Де и що винъ теперъ? сёго вамъ я не скажу; бо й самъ не знаю; знаю, тилькы, що винъ, якъ бувъ собѣ непосыдячый, рокивъ шисть тому назадъ, дуже бажавъ якъ-нибудь

и изданію Украинскихъ народностей. Сѣтованіе его, конечно, не безъ основанія; ибо легко можетъ случиться, что и здѣсь, какъ и во многихъ другихъ земляхъ, кто-нибудь изъ постороннихъ предупредитъ ихъ на семъ поприщѣ.

пробрацьця або за Дунай, або на Таманъ, икъ своимъ братамъ, козакамъ-орламъ. Одъ того часу я вже бильше ёго не бачывъ. Може винъ де-нибудь и пануе, — дай-то ёму Боже! а може, козакъ — невдаха, на чужынѣ горюе, або-жъ забытый лежыть,

На купынѣ головою,
Накрывъ очи муравою,
А нижењкы осокою,
Бѣлы ручкы густыною,
Ясне лычко кытайкою;
Въ головонькахъ воронъ кряче,
А въ ниженькахъ коныкъ плаче! . . .

Доходывся, докозаковався, покы такы, якъ той жовтый лыстъ, на землю звалывся; оженывся, небижъ, —

Да понявъ собѣ паняночку —
Въ чыстимъ полѣ земляночку:
Куды й вѣтеръ не вѣе
И сонце не грѣе . . . .
Безъ виконецъ и безъ дверецъ —
Тамъ спытъ козакъ — молодецъ . . . .

Якъ бы то ни було, чы жывъ, чы вмеръ винъ, а я, щобъ памнять ёго не зусѣмъ слызла зъ свѣта, задумавъ выпечататы, на первый почынъ, ци ёго казкы; а тамъ, колы воны прыйдуцьця понутру нашому козацству, — якъ Пану Головѣ, — выпечатаю ище дещо ёго жъ роботы. Правду мовыть, кумъ мій ничого самъ на папиръ не клавъ; але булы добры люды, що выслухавшы було его казанья, або спѣванья, пислѣ того запысовалы

Зыркъ потимъ собѣ, — ажъ такы геть-то, геть виршованьня ёго набралося! . . . Налагодывшысь одислаты Казкы въ печатьню, довго я мудровавъ, дебъ мынѣ въ свѣтоньку достаты той пачепортъ (якъ-то водыцьця по всѣмъ усюдамъ), щобъ, бува, якый-нибудь *царынный* (*), не заставывъ ихъ кры своеи царыны глаголы чытаты, бо, якъ въ тій пѣсьнѣ спѣваютъ:

(*) *Примѣч. Корректора.* Можетъ быть, книга эта попадется въ руки и *не-Малороссіянъ*; для таковыхъ считаемъ нужнымъ замѣтить, что *царыною* называются въ Украйнѣ сельскіе шлагбаумы; лѣтомъ строится около ихъ шалашъ, въ которомъ кочуетъ, въ продолженіе всего лѣта, по боль-

Добре було да чумаковаты, покы всю-
ды було ривно,
А що вже черезъ тыи *пачпорты* да й
ходыты не вильно... (*)

Воно бъ й самому можна вымудрувати що-нибудь похоже на пачепортыкъ, бо такы й мы колысь рокивъ зъ дванадьцять попоперлы порогы въ Переясловськiй Бурсѣ, и де-що розумѣлы, — да, признацьця, вся та дурныця, якъ прышлося одружыцьця, дымомъ зъ козацкои

шей части старикъ, именуемый отъ того *царынным*ъ. Онъ смотритъ, чтобы всегда были заперты ворота, чтобы скотъ изъ селенiя не бѣжалъ въ хлѣба, и пр.

(*) См. *Укр. нар. пѣсни*, изд. М. Максимовичемъ, стр. 174, No 46.

головы вышла: вы самы знаете що жонатый,

Якъ той горщычокъ щербатый:
Зысподу кыпыть, зверху збѣгае,
Де ни повернецьця — добра не мае...

Така вже, мабуть, наша доля!.....
Разъ йдучы за однымъ дѣломъ до свого кума, Пана Головы, я ще въ сѣняхъ зачувъ, що мій Лесько що-то дуже зъ кимъ-сь розбалакався: отъ я й ну на пидслухы (щожъ? и се, инколы, не вадыть!...), — та й выслухавъ все це, що от-тутъ попередъ сёго напысавъ... на чію-то голову?... Чы воно добре, чы ни, про те письменны нехай тямлять. Яжъ тылькы прымовлюсь тута, що колы буде чія ласка, чытайте, на-

бильше, теперъ, выбачайте; а лучьче всёго, на чужый коровай, якъ-то кажуть, очей не порывай а свій дбай. . . .

I. Б.

М. Варва.

1834.

КАЗКА

ПРО ЦАРИВЪ САДЪ ДА ЖЫВУЮ СУПИЛОЧКУ.

Лучьче свое латане, нижъ чужее хватане.

Чуже добро бокомъ вылѣзе...

Якъ жывъ собѣ Царь да Царыця,
Да не було у ихъ дѣтей,
Отъ, бѣдныи, и ну журыцьця,
Давай пытаты знахорей:
»Скажитъ намъ, добры люде,
Чы, справди, въ насъ не буде
До вѣку вѣчного дѣтокъ?
Чы, може, тилькы се на срокъ....«
—»Не бѣдкайтесь!« имъ дѣдъ говорытъ,
»Царыця швыдко - худко родытъ,
Царевѣ батьку трёхъ сынивъ:
Изъ ихъ два будутъ розумъ мѣты,
А третій, — нѣгде правды дѣты, —

Що жъ? дурень! такъ, бачь, Бигъ судывъ!...«
Якъ винъ сказавъ, такъ и зробылось:
До року тры сыны родылось;
Ростуть, нибы зъ воды идуть,
Де, въ Бога, сылу ту берутъ . . .
Не такъ якъ мы ростемъ годамы;
Воны — не днямы, а часамы:
Ще вчора кожный бувъ хлопя,
Сёгодни глянь — хорошый парубя.
Якъ выхоръ тай по полю прецьця —
Куды стрѣло, куды брыло:
Такъ кожный зъ ихъ, якъ розсвѣло —
За зайцемъ на конѣ несецьця;
Або заглядѣвъ дычыну, —
Повзкомъ, повзкомъ, та зразу — гу!...
Не те — зъ дѣвчатамы пустуе,
Умѣстѣ зъ нымы пѣсьни тне,
На досвѣткахъ загадкы гне;
А дурень? — Крейдою маглюе,
Знай, конькы все на печѣ,
Або изъ жыта робыть греблю,
Або, котятъ, вамъ, товчучы,
Якъ зъ неба вгрѣецьця объ землю! . . .

Въ Царя бувъ дуже гарный садъ;
Винъ бильше всёго нымъ кохався
И бильше всёго велычався;
Та й прыбраный бо бувъ гараздъ!
Тамъ яблука рослы и глывы,
И Шпанськы ягоды, и слывы,
И хвыгы, выноградъ, орѣхъ,
И опельсыны, и калына;
Черемха, дули и малына;
Та хто ихъ въ Бога счыслыть всѣхъ?
Поричкы, агрусъ и суныця,
И вышни прыдцяты сортивъ,
Шовковыця и полуныця;
А скилькы всюды тѣхъ цвѣтивъ!
Кануперъ, мнята и нагидкы,
И крученыи паныча;
Зинзиверъ, царськіи боридкы,
Що розцвѣтаютъ у ночи,
Оксамытъ, пѣвныкы, любыстокъ,
Нечосы - панночкы цвѣлы,
Биждерево и козій лыстыкъ,
Зъ барвинкомъ слався по землѣ;
Тамъ красовався чорнобрывець,

Жовтогарячый рисъ гвоздыкъ,
Цвѣтъ Королёвый — горделывець,
Бузокъ и чоловѣчій вѣкъ;
Пивонія и конвалія,
Троянда, рута и шевлія;
А пташокъ, пташокъ на гилькахъ!
Мій Боженьку! — поглянуть страхъ!
На ŏдному чыжъ, щыголь спѣваютъ,
Тамъ соловейко голосытъ;
Тутъ канарейка верещытъ,
А тамъ гракы свою кругляютъ!
Угору жайворонокъ вьецьця,
Ось орлыця по мылимъ бьецьця,
Тутъ пугачъ и зъ своимъ — пугу!
А тамычкы бугай — бугу! . . .
Зозуля жалибно ковае,
По грядкамъ пава похожае . . . .
Нихто у садъ той не ходывъ,
Опричь Царя, котрый водывъ
И то въ ряды-годы, Царыцю;
Тоди, бувало, ростелютъ
Якъ снѣгъ той бѣлу скатерныцю,
Сёго, того имъ прынесутъ

(Свою щобъ пидкрѣпыты душку):
Сметаны, пирожкивъ, яецъ,
И меду золотый корець,
Родзынкивъ, ягидъ на закуску.
Частенько Царь тутъ оддыхавъ
Прыпавъ Царыцѣ на колѣньця,
Тыхесенько винъ засыпавъ;
Се бачывшы, тоди царыця,
Платочокъ въ бѣлы ручкы взявъ,
Нымъ мухъ одъ ёго одганяла,
Або ёму головкуськяла;
Короче: саду, вамъ, тому
Немае ривни и въ Крыму:
Ёго ни здуматъ, ни згадаты,
Не тилькы въ казьцѣ розказаты. . . .

И що жъ? Де ни визьмысь кабанъ;
Зыркъ — въ садъ опивничь чымчыкуе!. . .
Поглянешъ враньци: садъ - майданъ!
Не мовъ бы сотню лѣтъ пустуе! . . .
»Хто кабана того убье
(Було обявлено усюды)
Тому пивъ-царства Царь дае

И первымъ по Царевѣ буде.»
Сперва охотныкивъ нашлось;
Пишлы—даба! не удалось!
Не те, щобъ ничною порою
Кабанъ уже въ саду не рывъ, —
Ни! наши сплять! Мовъ ихъ рукою
Хто, справди, мертвою обвивъ!
И скилькы въ садъ той ни ходылы,
А кожный день, вамъ, те-жъ якъ те жъ!
Що тута ты робыть почнешъ?
Отъ, накинецъ, Царя просылы
Два старшыи ёго сыны,
Щобъ имъ у садъ питы дозволывъ;
Царь думавъ, думавъ, та й уволывъ!....
Помырковавшыся одны,
Въ походъ мерщише знарядылысь;
Але, сердягы, якъ ни былысь,
А кабана такы й воны,
Не тилькы, щобъ ёго убыты, —
Не довелося й поглядѣты!
Отъ дурень напослѣдокъ ставъ
Просыцьця въ садъ: »Гай-гай, небоже!«
Царь, смѣючысь, ёму сказавъ

»Куды такы тобѣ? . . . А може ! . . .
Пустить ! не хай его иде ! . . .«
Пишовъ нашъ дурень : жде - пожде ;
Вже пивничь опъ : винъ не дримае ;
Колы , ажъ ось — кабанъ чухрае. . . .
Тыхисинько шась-шась, хрюкъ-хрюкъ!...
И тилькі зъ дурнемъ поривнявся ,
Якъ той, хвапывъ ружныцю,—пукъ! . . .
Кабанъ предъ нымъ такъ й розпла-
тався ! . . .
Тупъ дуренъ вставъ, разъ-два зглянувъ,
На землю сивъ собѣ кры его ,
Та незабаромъ писля того ,
На безголовячко , й заснувъ . . . .
Опъ старшый брапъ къ ему прыйшовшы,
И спячого его найшовшы ,
Одъ разу — хряпъ, да тилькі й жывъ! . . .
И добру вырывшы могылу ,
Чыстесенько его зарывъ ,
А тамъ запрѣгшы въ визъ кобылу ,
Звалывъ на неи кабана ,
И прямо къ батьковѣ въ будынкы . . .
Царь вѣру нявъ , и - все , до дна ,

Обѣщане, до волосынкы,
Оддавъ ёму . . . . . .

Проходить день, другый, недѣлья,
А тамъ ище — отъ стало двѣ;
Въ братеубійныка — весильля . . .
А дурня, охъ! забулы всѣ! . . .
И тилькы бъ-то ёго могыла
(Якъ въ тій спѣваютъ пѣсьнѣ намъ),
У полѣ зъ вѣтромъ говорила! . . .
Отъ разъ, колы-сь, вивчарыкъ тамъ,
Вечирнёи поры икъ рѣцьцѣ,
Свои гнавъ наповаты вивьци:
Гулькъ на могылу — ажъ стоить
Высокая очеретына,
Пряма якъ та въ бору соснына;
Винъ къ ій туды, да зразу—хвить! . . .
Потимъ обчыстывшы гарненько,
Супилочку скомпоновавъ . . . .
И отъ, утершысь чыпурненько,
Винъ тилькы що на ій загравъ, —
Якъ тая й стала промовляты,
Скрызь слёзы такъ ёго прохаты:

Да помалу-малу, вывгарыку, грай!
Да не вразы мого ты серденька вкрай.
Пры саду-саду брать мене вбывъ,
За того кабана, що въ саду рывъ!...

Остовбенѣвъ вивчаръ - небижъ!
Незна, сердечный, що чыныты;
Комубъ ни давъ въ іи свыстѣты, —
Слова тобѣ все тѣжъ якъ тѣжъ!..
Тоди подумавъ, погадавшы,
Поплився зъ нею и къ Царю,
И слугамъ объ собѣ сказавшы
Прохавъ дозволыть вивчарю —
Предстать предъ ёго свѣтлы очи;
А тѣ ёму — пождать до ночи
Видмовылы: „Бо, бачъ, нема
Царя у себе у господѣ:
Де-сь зъ ранку ѣздыть на охотѣ, —
Царыця зосталась сама.« . . . .
— «Пустить же, хочъ, мене къ Царыцѣ:
Нехай загра на сій супильцѣ,
А тамъ за тымъ прыѣде й Царь.«...-

Такъ слугамъ говорывъ вивчаръ.
Царыця гордосты не знала;
»Введипь ёго« — сказала« — »къ намъ!«
Опъ прыпулыла икъ губкамъ,
А пая ій пакъ й заспѣвала:

»Да помалу-малу, матусенько, грай!»
Да не вразы моготы серденька вкрай,
Пры саду-саду братъ мене вбывъ,
За того кабана, що въ саду рывъ!«..

Задумалася писля сёго
Царыця, и пыпа: „Про кого
Вона, оцце, мынѣ пакъ грае? . . "
На пору пу Царь знагодывсь;
„Ну, одже, добре, що лучывсь!
Ось на, лышень! що заспѣвае
Тобѣ супилочка оця!"
— „Ке, галонько, я подивлюся!"
„Охъ, серденько, я що-сь боюся . .
Така сумна, що й доси я . . . ."

„Да помалу-малу, мій батеньку, грай!
Да не вразы мого, ты, серденька вкрай!
При саду-саду братъ мене вбывъ,
За того кабана, що въ саду рывъ!...“

„— Э, глянь же! Батьку ёго трясьця!.....
Тутъ, мабуть, що-сь таке та е!
Хотѣлось бы мынѣ дизнацьця,
Чы то чуже, чы то свое! . . .
А ну, заграй ище ты, сынку!“
Винъ старшому проговорывъ;
Того цыганськый питъ схватывъ,
Не стямывся, якъ й взявъ супилку: . . .

„Да помалу-малу, мій братику, грай!
Да не вразы мого, ты, серденька вкрай!
При саду-саду ты-жъ мене вбывъ,
За того кабана, що въ саду рывъ?...“

Ще винъ не вспѣвъ всёго дограты, —
Затрясьсья якъ осыный лыстъ;
Куды дѣвався той и хыстъ! . . .
„Рятуй“... и — брязнувсь середъ хаты!..

Дѣтвора, жинка, маты — въ крыкъ! . . .
Къ ёму — ажъ коломъ ставъ языкъ! . . .
Тоди всѣ заразъ догадалысь,
Одъ чого винъ такъ худко павъ;
«Отъ, бачъ! Хочъ пизно,« — Царь сказавъ, —
«А все такы мы розквыталысь! . . .
Не плачьте жъ! Годи!... Жинко! Геть!...
Поганому — погана й смерть! . . . .»

КАЗКА

ПРО ДУРНЯ ДА ЁГО КОНЯ:

СРИБНА ШЕРСТЫНКА, ЗОЛОТА ШЕР-СТЫНКА.

Эге! Не всѣмъ же въ дурня й вдацьця!....

Колы-сь, давно, жывъ чоловѣкъ;
А якъ давно? Щобъ не збрехаты,
Тому проходыть сёмый вѣкъ;
Жывъ-жывъ, прышлося умираты.
Винъ, якъ и мы, бувъ Хрыстянынъ,
Тыеи жъ церквы щырый сынъ;
Дакъ, отъ, передъ смертельнымъ часомъ,
Винъ одсоборовавшысь масломъ,
Трёхъ пидзыва къ собѣ сынивъ:
»Послухайте мене, лышъ, дѣты!
Якъ вже не стане въ мене сливъ,
Глядѣть, гарненько зхороните;
Теперъ ничего не даю,
А вмершы, васъ я обдѣлю;
Але изъ уговоромъ треба:

Якъ злѣзе ничъ на землю зъ неба,
Вы почередно ико мнѣ
Тоди прыходьте на могылу;
Да тилькы щобъ булы одни, —
И тамъ вамъ дамъ богатство, сылу«....
Сказавъ, хропнувъ и — бувъ такый!
Сыны (розумныхъ два, якъ всюды,
Одынъ, а вжежъ не якъ! — дурный!)
Якъ всѣ къ имъ изійшлыся люды,
Сховалы татуся свого,
И сталы думать про ёго
Послѣдню волю: що почaты?
Давай тутъ дурныка прохаты,
Щобъ къ батьку винъ пишовъ за ихъ.
»Ить ты ничогонько не маешъ?
А въ нашыхъ жиночокъ одныхъ
Чого, скажы, не насчытаешъ?
Щобъ батько тамъ тобѣ ни давъ —
Твое, бо ты ёго доставъ!«
Такъ дурня-то воны прохалы,
Покы, такы, ёго вблагалы....
Отъ череду уже женуть:
Стары, малы къ ій выбѣгають;

Коровы да быкы ревуть,
Телятъ дѣвчата розлучають;
Отъ зъ поля йдуть гуртомъ женьци
За нымы косари, гребци;
Отъ въ хатахъ всюды засвѣтылы;
На улыцю повыходылы
Дѣвоньқы, хлопци, парубкы:
Пустують, то жартують въ волю,
Знимають зъ мылыхъ стричечкы,
Говорять, шепчуть мижъ собою;
Прытыхнуть, впять заголосять;
Всѣ парамы тобѣ сыдять.
«Ану, пора! Ты опизнывся!
Гляды: онъ мѣсяць якъ пидбывся!“
Вставъ дурень, стрепенувсь, пишовъ;
Замовкло всюды, ни шышырхне;
Затыхъ дѣвоцькый перезовъ,
Хыба-то де-не-де що пыкне. . . .
Отъ винъ на кладбыще прыплывсь:
На крестъ головкою схылывсь;
Кругомъ-могылы бованіють, —
Въ могылахъ-тіи жъ люды тлѣють;
«Татусеньку! отъ одъ-же й я!“

— «Э! дуже добре, сынку, робышъ!
Да, бацьця, черидь не твоя,
Ты не за себе се прыходышъ:
Бигъ буде имъ за те судыть,
Що не схотѣлы навѣстыть . . .
Ну, слухай же, моя дытына!
Теперь ты въ свѣтѣ сыротына;
Я надѣлю тебе за все;
Ты чувъ: покирнее телятко,
Якъ кажуть-то, двѣ матки ссе;
Даю тры волосынкы, серденятко,
Оцьци тобѣ: ихъ бережы;
Якъ треба буде, прыпалы —
И стане кинь передъ тобою,
То зъ срибною, то зъ золотою
Шерстынкою: тутъ гряне громъ,
А ты влизь въ праве ухо ёго,
И въ лѣве — выйдешъ Королёмъ;
Що забажаешъ — буде всёго;
Гляды жъ мене не забувай!
Теперъ, мій сыноньку, прощай!“
Сказавъ — и мовъ-бы не бувало! . . .
Отъ незабаромъ розсвѣтало;

Изъ досвѣтокъ дѣвчата шлы;
Вивчаръ гнавъ череду безъ-лику;
По полю бжолы, знай, гулы;
Крычалы пѣвни кукурику! . . .
Пиднявся дурень, та й побривъ
Въ господу; кры воритъ зострѣвъ
Ёго братъ старшый, и пытае:
«Що! якъ?“ А винъ, мовъ-бы не знае,
Попливсь собѣ у хату . . . . .
Се дѣялося пры Царѣ,
Которого, геть - геть, будынкы
Стоялы на крутій горѣ,
А въ ихъ, и тилькы бъ-то дытынкы,—
Одна дочка; сынивъ — Бигъ мавъ!
Хочъ винъ якъ раю ихъ бажавъ;
Эге! дочка! да ще якая?
Хороша якъ троянда тая;
Лыце — що сонечко твое! . . .
Губкы якъ медъ солодкы;
Очыци карыи въ нее,
Дугою надъ нымы бровонькы;
Прямый тополёвый станокъ,
И соловейка голосокъ;

А кучери по плечямъ вьюцьця —
То ризно, вкупочку зберуцьця. . . .
Симнадьцята теперъ весна
Одъ роду нашій шла Царивнѣ;
Багацько сваталось — вона
По гарбузу имъ, бо неривни.
Отъ Царь поставыть стовбъ велѣвъ;
На нёмъ Царивну посадывъ:
»Хто видьсиля іи достане,
Той тутъ-же женыхомъ ій стане!«
А стовбъ высокый, геть-куды!
Ёго изъ мрамуру зробылы,
И объявылы, щобъ туды
Всѣ Лыцари попрыѣздылы.
Де въ Бога той народъ набравсь!
Немовъ базаръ розшатовавсь:
И тѣснява, и гукъ, и драча!
Крыкъ, гвалтъ! Такая нестояча! . . .
Тоди два старшыи браты
Пишлы дывыцьця изъ жинкамы;
А дурень — тожъ . . . . »Куды-то ты?«
—»Да, бачъ, въ березнякъ за грыбамы!« —
Зайшовшы въ лѣсъ у гущыну, —

Шерсшынку прыпалывъ одну —
И кинь явывсь; немовъ-бы зъ неба!
»Що Пановѣ моёму треба?«
Тутъ дурень въ праве ухо влизъ —
И, зразу, Королёмъ зробывся;
Скикъ на коня; а той — понисъ . . . .
Де треба, духомъ опынывся . . . .
Глядыть, а Лыцари кругомъ
Гарцюють, знай, передъ стовбомъ;
Розбѣгшыся, чимъ дужъ пидскочуть,
А все Царивны не доскочуть . . . .
Той розлетѣвшысь объ-земь-брыкъ!
Той головою въ стовбъ огрѣвся;
Той навзнычъ-лясь! четвертый-зыркъ!
Якъ снипъ той изъ коня зкотывся!..
Тутъ Лыцарь нашъ, де ни визьмысь,
Якъ той орелъ къ стовбу извывсь!
Царивну-хвать въ обы-двѣ рукы!
Цмокъ! цмокъ іи въ гарячы губкы!
Вона жъ — тыць перстынь золотый
Ёму на палець, и сказала:
»Теперъ мынѣ ты не чужый!
И пылно въ вичи заглядала . . . .

А опъ кинь ихъ къ Царю прымчавъ:
Легесенько Царивну знявъ,
Поклонъ на всѣ чопыри бокы,
Да вспремня скикъ, скорѣй навскокы!...

»Опъ побѣ на! .... Ловипь! Ловипь!...«
Всѣ разомъ въ голосъ загукалы;
Тупъ де-якы за нымъ у-слѣдь ....
Бѣжяпь.... бѣжяпь.... па не догналы!...

На другый день Царь розыславъ
За Лыцаремъ слугъ на вздогону,
И кожну хапу прыказавъ
Оглядовапь.... не пе — дасть гону!...
»На пальцѣ перспынь буде мапь,
Весь золопый — ёго не знять! ...«
Розсыпалысь воны, лѣпаюпь;
Ни ŏдного двору не мынаюпь;
Опъ къ прёмъ брапамъ воны прышлы, —
Усѣ имъ пальци оглядѣлы:
Щожъ? Якъ? — У дурня изнайшлы!
Сердечныи попоропилы! ...

Але, бачъ: ничого робыть;
Пишлы Царевѣ доложыть;
А Царь дочку велѣвъ позваты
И — молодого показаты:
Царивна въ плачъ: »Цуръ! Пекъ ёму!...
Зистанусъ дѣвкою довѣку!
Нехай не буду никому,
Нижъ мужомъ мать сёго калику!«
— »Ой, доню, ни!« — Царь їй сказавъ;
»Винъ твій, бо самъ тебе доставъ;
Не рюмай же! Такая доля!
На все е, певно, Божа воля!
Готовся завтра икъ вѣньцю!
Дѣвычь-вечиръ сёгодни буде;
Позвать швыдчій музыку всю!
Да щобъ збиралыся и люде!« . . . .

Давно день къ вечору звернувъ.
Отъ ничь покрыла всѣ дорогы;
На небѣ мѣсяць, отъ, нырнувъ . . :
Отъ выставывъ зъ-за хмары рогы . . .
Зиркы, те й дѣло, що юлять:
Покажуцьця, та въ хмары впять;

Не мовъ бы вамъ у самимъ дѣлѣ,
Дразнылы тѣхъ, що на весильлѣ:
Якъ мѣсяць, — тежъ и молоды —
Сюды - туды воны заглянуть;
Якъ зироньkы, — тежъ й дѣвоньkы —
То защебечуть, переспанупь,
То впяпь почнуть, то впять мовчять.
Теперъ воны собѣ сыдять
За короваемъ, и спѣвають!
Бо выльце выпы починають:

Поможы намъ, Боже!
Дыпя оддавапы;
Поможы намъ, Боже!
Вылечкы почапы.
Нихпо не вгадае,
Що на выльцяхъ зяе;
Золоты корни, верхы,
Срибны лылепочкы
Безъ вѣперка мають,
Безъ сонечка зяють. . .

Выйды наша, Панно, поглянды,
Чы хороши вылечкы извылы;
Колы нехороши — розирвемъ:
Мы тобѣ кращи изовьемъ!" . . .

Ничого! наша молода
Мовчыть, горюе якъ бѣда! . . .
И отъ подругы впять спѣваютъ;
Такъ ій словами промовляютъ:

ПЕРВЫЙ РЯДЪ:

„Не сыды, Панно, бокомъ!
Се-жъ тобѣ не-нарокомъ;
Прысунься блызенько,
Дывысь хорошенько!“

ДРУГЫЙ РЯДЪ:

„Не плачъ, небого!
Що йдешъ за ёго:
Нехай, лышь, плаче винъ, .“
Що бере лыхо въ двиръ. . . .

Але, якъ пѣсень ни тялы,
А молодои не моглы

Ни тринычкы розвеселыты:
Да й якъ, такы, зъ нелюбомъ жыты?
Зъ нелюбомъ ни поговорить,
Ни долею зъ нымъ подѣлыцьця,
Ни серцемъ къ серцю потужыть,
Не-хотя въ вичи заглядѣцьця;
Що день, що часъ, въ господѣ-громъ,
А тутъ - все пиде вамъ гайномъ. . . .
«Ой ни! швыдчій писокъ изыйде,
Нижъ за нелюбомъ счастя прыйде!...“
Такъ говорила у викна
Зъ собою наша молодая!
Теперъ вона стоить одна,
Якъ на полѣ былынка тая;
Всѣ розійшлысь, все вклалось спать;
Нигде ничого не чувать;
И тилькы бъ - то козацьке сонце
Глядѣло зъ неба у виконце.
Отъ!... цыть!... Не-мовъ-бы тужыть
щo-сь!
Не-мовъ-бы орлыця горкуе!
Цссс! . . . отъ луною роздалось!
Отъ що-сь не-мовъ-бы-то сумуе!

„Кохавъ мене батько, якъ бѣлу тополю:
Ой оддала мене маты въ тяжкую неволю!
Ой маты, маты! що ты гадала,
Що за нелюба за-мижъ оддавала?...

Десь ты мене, маты, въ барвинку купала,
Купаючы проклынала, щобъ доли не мала.
Ой маты и пр.

Десь ты мене, маты, на мѣстѣ купыла,
Що ты мене, моя маты, на вѣки втопыла.
Ой маты и пр.

Лучьче жъ мынѣ, маты, тяжкый камень
зняты,
А нижъ мынѣ изъ нелюбомъ да вѣкъ коро-
таты.

Ой маты и пр.

Лучьче жъ мынѣ, маты, гарячъ камень ѣсты
А нижъ мынѣ изъ нелюбомъ вечеряты сѣсты...

Ой маты и пр.

Ни свѣтъ, въ недѣлю, ни зоря,
Дружко у комнату заглянувъ:
Все пусто. . . . а къ вѣньцю пора, —
Да молодый якъ въ воду канувъ! . . .
Де винъ? куды и якъ дѣвавсь?
Пропавъ и слѣдъ! . . . весь двиръ пидьнявсь. . . .
Царю, Царыцѣ доложилы,
Що молодого упустылы.
Якъ ни було бъ, а хочъ и Царь,
Хочъ у ёго всёго достатно, —
Але такы прыпасу жаль,
Жаль, дуже жаль! все пиде марно! . . .
А якъ-то хороше булы,
Усѣ зибралысь погуляты!
Весильля бъ бучне утялы;
Якъ сталы бъ штукы выкыдаты! . . .
Теперъ заразъ весь ладъ пропавъ;
Нибы мертвець на стилъ упавъ! . . .
Гай-гай! ты тее та онее,
А Бигъ зусѣмъ тобѣ другее! . . .
Колы, осё-сь орломъ летыть
У двиръ нашъ Лыцаръ, и крычыть:
»Добры-день вамъ, мои Панове!

А що, чы все у васъ готове?
Де мылая, кажить, моя?
Мабуть, бѣднесенька, горюе?..".
Царыця, Царь и вся ридня
Выходять — винъ ихъ всѣхъ цѣлуе;
За ними жъ тупа на крыльце
Й Царивна зъ нянькою иде:
Вона ничогонько не знала, —
А тилькы—зыркъ! — такъ къ ёму й пала...
Ой якъ же мицно обнима!
Ой якъ же цупко рученькамы
До серця свого прыгорта!
Своимы карымы очамы
Якъ пылно-то ёму глядыть!
Голубонька! якъ лыстъ дрыжыть!...
Глянь — рученькамы обвылыся!
Въ губонькы губкамы впылыся!...
Оттутъ-то вже й-къ вѣнцю пишлы:
Передъ престоломъ Божымъ сталы,
Тры разы кругомъ обвелы,
На вѣкы ручкы имъ звязалы...
И, отъ, вертаюцьця назадъ:

Старый й малый весильлю радъ;
Музыкы пѣсьни имъ играють,
А жиночкы собѣ спѣвають:

„Ой маты, маты, маты старая!
Летыть голубка зъ теплого края:
Накрывай столы коврамы;
Не саму йду — зъ друженькамы.

Ой матинко-утко!
Ворочайся хутко;
Сонечко нызенько,
Дружечкы блызенько! . . . “

Потимъ великый бувъ бенкетъ:
Всѣхъ щырымъ серцемъ Царь прыймае;
Паны пылы налывку, медъ,
Народъ горѣлочку кругляе. . . .

И я тамъ бувъ;
И медъ я дувъ:
По бородѣ текло,
Да въ ротѣ не було! . . .

КАЗКА

ПРО МАЛЕСЕНЬКОГО ЙВАСЯ, ЗМІЮ, ДОЧКУ ІИ ОЛЕСЮ ТА ЗАДНИХЪ ГУСЕНЯТЪ.

Хочъ мале, да узловате . . . :

Якъ жывъ собѣ дѣдъ да бабуся,
И мавсь у ихъ одынъ сынокъ:
Винъ звався просто Ивашокъ;
Першъ всёго за ёго прыймуся.
Винъ любая дытына бувъ,
Така, що ще нигде й нечувъ . .
Сыдыть собѣ, знай, все тыхенько;
Никого пальцемъ не торкне;
Глядыть у ложку — не змыгне;
Чы ѣсть, чы пье — все чыпурненько...
Мы жъ дѣтьмы — бѣгаемъ, крычымъ:
Зимою грынджола тащымъ,
Або громакъ, або санчята,
Щобъ стрѣлкою зъ горы летѣть;
Або — маршъ кучкою глядѣть,
Якъ въ боки въѣлыся хлопята!
А якъ овсянка — чыркъ пидъ нисъ:
„Покынь санкы, берысь за визъ!"

Чужы дѣтвора, власно мухы,
На двиръ летять попустовать;
Давай въ опукы, швайку грать!
Геть чоботы! Геть и кожухы!
Тутъ гылкы, каша, городокъ,
Хто до пацивъ, хто до цурокъ,
Хто булку въ дучечку ганяе,
Хто у крагли, хто у лозу,
Хто въ трояна, хто у мету,
Хто въ хрещыкъ зъ дѣвонькамы грае.
Обѣдаты хочъ не просы . . .
Прыспалы мовъ-бы до косы!
Глядышъ — у пужьмиркы розбѣглысь
По цѣлому тобѣ селѣ;
Тѣ одъ джгута нибы въ огнѣ;
Тѣ въ тѣсну бабу заходылысь;
Тѣ въ гуркала, тѣ въ маршалкы,
Тѣ въ кремняхы, а де-якы
Колодязь ножыкомъ копають;
Тѣ въ горю-дуба, у гусей:
Отъ вовкъ зикрався до дѣтей . . .
А тіи сонце запускають! . . .
Увисинь тая-жъ пѣсьня впять:

До скобзалкы, да до санчять . . .
Инакъ зусѣмъ рисъ, годовався
Нашь Иващокъ: винъ тилькы й знавъ
Сметанку, молочко вбиравъ,
Да въ човнѣ зъ татомъ просвѣщався;
Бо змалечку прывыкъ къ водѣ:
Частисинько ночей по двѣ
И вставъ и лигъ собѣ у човнѣ;
Колы не зъ удкою, зъ сачкомъ,
Дакъ зъ вершою, изъ ятиркомъ,
А тамъ въ господу й ѣде вповнѣ. . .
Такъ винъ день за день жывъ да жывъ,
Никуды зъ хаты не ходывъ,
Опричь, якъ я казавъ, ловыты,
Сперва овсяночку, а тамъ
Давався знацьця й плиточкамъ,
Щобъ неньцѣ що було варыты.
Зъ другымы жъ дѣтьмы винъ не знавсь,
И въ грыща зъ имы не вязавсь:
Мовъ-бы, тобѣ, другого роду,
Мовъ-бы, кажить, письменый бувъ!
А тожъ-й про ужыцю нечувъ;
И тилькы бъ-то и знавъ, що воду!..

Було колы якъ розъѣжжае, —
То матинка тоди ёго,
Набравшы въ ковшыкъ усёго,
Несе къ ёму, и такъ спѣвае:

„Сынку-сынку, Ивашечку!
Прыплынь-прыплынь икъ бережку!
Несу тобѣ ѣсты, пыты,
И хороше походыты. . .“

И отъ лебедонькомъ плыве:
Поѣсть, попье, и впять польне. . . .
Такъ все въ обѣдьнюю годыну,
Вона кормыла Ивася;
Але! разъ гаспыдська змія
Назырыла іи дытыну:
Ну мудрувать, якъ бы достать,
Якъ Ивася бъ-то въ лабеты взять..,
И тута зъ дуру, нависная,
Й собѣ спѣвать якъ маты — ну!
И всебъ-то пѣсьню тужъ одну....
Да голосомъ була не тая:
Бабуся тонко, геть, спѣва, —
Вона жъ нибы бугай ревла:

„Сынку-сынку, Ивашечку!
Приплынь, приплынь икъ бережку;
Несу тобѣ ѣсны, пыты,
И хороше походыты.

Але, горлыще якъ ни драла,
А Йвашечко не прыплывавъ . . .
Тоди, щобъ захидъ не пропавъ,
Икъ ковалю помандровала:

„Ковалю-ковалю! мѣшокъ
Мерщій надуй, и голосокъ
Мынѣ изкуй, шакый якъ мае
Ивася маты, а не ше,
Якъ разъ да два изъѣмъ тебе!“ . . .

Коваль за мѣхъ — и надувае,
Клищамы тягне за языкъ,
А молотъ по ёму — дзыгъ-дзыгъ! . . .
И отъ змія худчій икъ рѣцьцѣ:
Спѣвае тонкымъ голоскомъ,
А Йвась, глянь, и — гребе весломъ. . . .
Попавсь, небижъ, якъ мышъ въ засѣцѣ! . . .
Тоди изъ нымъ — шарахъ у биръ, —
А въ борѣ тимъ бувъ ей двиръ, —

Двиръ сей надъ кручею маячывъ;
Внызу ревѣла, мовъ вѣдьмидь,
Сердыта рѣчка у всю хыть;
Кругомъ все пуща; тилькы й бачывъ,
На одшиби стоявъ ŏдынъ ŏднымъ,
Высокый дубъ; а тамъ, за нымъ,
Якъ тая гася-простяглася,
Лужына шовкова геть-геть . . . .
А тамъ къ будынкамъ стежка-верть!...
Куды й внесла змія Ивася.
Въ іи, мыланочка, дочка,
Ни дать ни взять, була така,
Якъ Иватокъ; а еи звалы —
Оленкою: бо тоже й въ змій,
Ма-буть, якъ въ насъ, е йменныкъ свій...
Тутъ радыцьця зъ собою сталы —
Дочка и маты, якъ звесты
Ивася зъ свѣта: „Ну, спекты!"
Сказала маты своій доньцѣ;
„Гляды мынѣ, покы вернусь,
Щобъ Йвась уже не ворохнусь!" . . .
Отъ та ёго й веде къ лопацьцѣ;
Сажа, а винъ и ну бочкомъ,

То догоры, то жывоткомъ!
„О, що бо ты, Ивасю, робышъ?
Мовъ, справди, вже сыдѣть не зна!“
Нащо, такы, така мана?
Нащо, такы, мене морочышъ?
— „Да Богъ же Мыну, мынѣ, вбый!
Колы симъ думавъ я якый
Глумъ надъ тобою пидіймать!“
Сказавъ Ивась; „Да що почать,
Що не впоропаю сѣдать?
Ить чомъ мынѣ не показаты?
Тоди бъ, Олесю, й я умѣвъ, —
Гарнесенько бъ собѣ сыдѣвъ!» . . .
Олеся жъ зъ дуру тутъ и сѣла,
Вхопывшысь гаряче за рѣчь, —
А той мерщише — бурхъ у пичь!
Отъ матерѣ, тобѣ, й вгодыла! . . .
Йвась потимъ зъ хаты, да на дубъ —
Забравсь, геть, въ самый ёго чубъ. . .
Сыдыть, а ни чычыркъ на гильцѣ . . .
Колы, осё сь летыть й змія, —
И-прямо пала де мнясьця:
Такъ склалысь содухы Оленьцѣ! . . .

Наприскавшысь до очкура,
Глянь-глянь пидъ дуба и чвала . . .
Роздѣлася ажъ до сорочкы,
И — гайда гвалтомъ на траву!
Качаецьця, якъ той въ рову,
Одъ повнои ŏддирвавшысь бочкы . . .
Вона кача, вона валя,
Зъ собою въ голосъ розмовля:

„Покочуся, повалюся,
Ивасьчыного мнясьця наѣвшыся!“

А Ивашокъ изъ верху ій
Такъ голосокъ й спускае свій:

„Покотыся, повалыся,
Оленчыного мнясьця наѣвшыся!“

Змія слова ёго й почула;
Сюды-туды очмы зорыть —
Бигъ дасть! А далѣ-зыркъ! сыдыть!
Якъ куля къ ёму полынула . . .
Ну грызты дубъ, кусать, ревѣть . . .

Да ба! Зубамы не звалыть! . . .
Тоди впять коваля згадала,
Якый ій голосокъ зкувавъ
И якъ Ивася винъ піймавъ;
Не гаясь къ ёму почвалала;

,,Ковалю - ковалю! зкуй зубы
Залѣзныи, а мѣдны губы;
А що, якъ не зкуешъ мынѣ, —
Зпечу тебе въ оцимъ огнѣ!"...

Опять коваль за ōбценькы, мѣхъ:
Зибравъ челядныкивъ усѣхъ;
Працюють, бѣдны, молотамы:
Одынъ - ōдынъ зубъ, другый - другый,
А майстеръ-самый коренный;
Насылу вправылысь зъ зубамы! . . .
И отъ летыть, трава шумыть;
Ни жывъ, ни мертвъ, Ивась сыдыть . . .
Вона грызе, а винъ сумуе,
Гада, небижъ, якъ бы спастысь,
Якъ зъ гаспыдомъ бы розійтысь,
А що теперъ, навпрямъ, зплюндруе....

Изъ ропу пѣна пакъ и скаче;
Надъ головою воронъ кряче;
Дывысь — на деревѣ повысла,
Клубкомъ кругъ ёго обвылась,
Якъ па жабыще надулась . . .
Опъ половину перегрызла . . .
Опъ дубъ, глянь, хылыцьця на бикъ....
Ага, ага! Ащо? Чы впикъ? . . .
Осё-сь я доберусь до пебе! . . .
Вже жъ въѣвсь въ печинкы пы мынѣ!
Бачъ — побѣлѣвъ!... Ану, къ землѣ!...
Гибъ миръ! Мерщій! Спрыбай видъ себе!"...

Колы, опъ гусы и лепяпь....
Давай ихъ жалибно прохапь:
„Гусы-гусы, гусыняпа!
„Визьмипь мене на крыляпа:
„Несипь мене до бапенька,
„А въ бапенька - ѣспы - пыпы
„И хороше походыпы!" . . .

— »Хай задніи,« — воны гергечупь, —
«Тебе берупь! « Винъ къ имъ, а пѣ

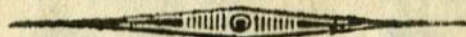
Сказалы тежъ, що й першы всѣ.
Такъ часто й люды намъ лепечуть.
Хочъ пропадай тобѣ зъ бѣды, —
А помочы одъ ихъ не жды! . . .
Бувае Йвасевого гирше:
И скыбочкы въ рукахъ нема, —
А кожный по шыямъ займа!
Оддався бъ чорту, абы инше! . . . .

Ни! неборакъ нашъ не загынувъ:
Его задрыпаны взялы, —
Къ отцевѣ, мацьцѣ понеслы;
А дубъ объ землю гуркъ-и грымнувъ! . . .
Змія къ ёму. . . — эге! Шукай! . . .
Теперъ якъ й звалы — помынай! . . .
Говорять, що вона одъ сёго
Въ такій тоди була журьбѣ,
Що смерть наклыкала собѣ. . .
И носе! — хто бажа чужого! . . .
А Йвась до дому прылетѣвъ,
Якъ дѣдъ зъ бабусею дѣлывъ,
На лавцѣ, сыдя кры виконьця,

Гарячы зъ сыромъ пирожкы;
Спара совала въ пичь горшкы,
Жалкуючы, що въ хапѣ хлопця,
Ивашечка, нема теперъ:
»Де въ Бога винъ!“ — „Аде? Умеръ!“
Спаренькый зъ серцемъ видмовляе,
И зве іи до пирожкивъ;
»Ой ни, старый! Винъ жывъ!
Мынѣ серденько промовляе!“
— »Чы жывъ, чы ни! а бувъ такый!..
Дасть Бигъ — въ насъ буде и другый!..
Иды-жъ-иды, щобъ не простылы!...
Оце тобѣ, а це мынѣ!...“
А Йвась въ викно: „А щежъ мынѣ?...“
— »Що тамъ? — “ „То мышы заноpылы! — “

Але! Що прыймуцьця дѣлыцьця,
То впять Ивась имъ и крычыть.
»Якъ хочъ, спара: мынѣ корпыть;
»Пипы собѣ ще подывыцьця!“
И тилькы, що у двери - ныкъ! —
Пидьнявсь эусиль гусыный крыкъ!...

Давай винъ тута ихъ ганяты . . .
Колы - гулькъ пидъ викно! — Ивась !
»Ой сыночку! Де ты узявсь ? . . .
»А мы збиралысь помынаты . . . . "
Тутъ поряду винъ розказавъ;
Въ яку халепу бувъ попавъ ,
Якъ налетѣлы гусыната,
Якъ винъ молывъ себе узять ,
Якъ рвалася змія достать ,
И якъ винъ сѣвъ имъ на крылята . . .
За сее дѣдъ и баба ихъ
Глядять немовъ дѣтей своихъ :
Овесъ, пшыныцю, гречку носять . . . .
Самы жъ зъ сынкомъ своимъ жывуть :
Кохаюцьця и хлѣбъ жують ,
Да постоломъ добро, знай, возять . . .

Давай винъ шукать ихъ ганяты....
Коли - гулять пить вино! — Невже?..
«Ой сыночку! Де ты узявся?....
А мы зибралысь поминаты....."
Тутъ порядку винъ розказавъ;
Въ яку халепу бувъ попавъ,
Якъ налетілы гусенята,
Якъ винъ молывъ себе узяты,
Якъ реґалася змія достаты,
И якъ винъ сивъ имъ на крылята....
За сее дідъ и баба ихъ
Гладять немовъ дитей своихъ:
Овесъ, пшеныцю, гречку несуть....
Самы жъ зъ сынкомъ своимъ живуть
Кохаючись и хлібъ жують,
Да послоломъ добро, знай, возять......

ПОМЫЛКЫ.

Напечатано:			А треба:
Стран.	стр.		
XV	12	густыною	хустыною
XIX	10	зъ кимъ-сь	зъ кымъ-сь
8	12	Царевѣ	Цареви
4	20	на печѣ	на печи
8	1	по Царевѣ	по Цареви
17	13	ничего	ничого
18	12	Послѣдню	Послѣдьню
23	3	Пановѣ	Панови
27	12	йдетъ	йдешъ
29	9	на вѣки	навѣкы
31	21	На вѣкы	Навѣкы
37	3	Нашь	Нашъ
38	3	въ ковшыкъ	въ кошыкъ
44	6	половину	половыну
45	11	Къ отцевѣ	Къ отцеви